

СОВЕТСКИЕ МЕМОАРИ ПОД ГРИФОМ

ТОЗЕ5789N0V501M62N1 <С Е К Р Е Т Н О> 103F5789N0V501M62N1

БОРИС БАЖАНОВ

ВАЛЬТЕР КРИВИЦКИЙ АЛЕКСАНДР ОРЛОВ

ГЕНРИХ ЯГОДА
СМЕРТЬ ГЛАВНОГО ЧЕКИСТА

Мемуары под грифом «секретно»

Борис Бажанов

**Генрих Ягода. Смерть
главного чекиста (сборник)**

«Алгоритм»

УДК 94:929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

Бажанов Б. Г.

Генрих Ягода. Смерть главного чекиста (сборник) /
Б. Г. Бажанов — «Алгоритм», — (Мемуары под грифом
«секретно»)

ISBN 978-5-907028-53-1

Авторы этой книги – известные деятели сталинской эпохи. Борис Бажанов был личным секретарем Иосифа Сталина в 1920-е гг., Вальтер Кривицкий занимал высокий пост в НКВД СССР в 1920-е – 1930-е гг., Александр Орлов – резидент советской разведки в ряде европейских стран в 1930-е гг. Все они стали политическими эмигрантами и за рубежом написали свои воспоминания, в которых предельно откровенно рассказали о Сталине и советской системе госбезопасности в предвоенные годы. Один из главных героев этих воспоминаний – всемогущий руководитель ОГПУ-НКВД СССР, создатель ГУЛАГа – Генрих Ягода. Обвиненный в участии в троцкистском заговоре, он был казнен в 1938 году; авторы книги пишут, чем был вызван суд над Ягодой, какие тайны открылись в ходе следствия, а какие стороны деятельности Генриха Ягоды так и остались в тени.

УДК 94:929(47+57)
ББК 63.3(2)6-8

ISBN 978-5-907028-53-1

© Бажанов Б. Г.
© Алгоритм

Содержание

Б. Бажанов	6
В. Кривицкий	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Генрих Ягода. Смерть главного чекиста (сборник)

© Бажанов Б.Г., 2018

© Кривицкий В.Г., 2018

© Орлов А.М., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Б. Бажанов

ГПУ и Ягода

(Из книги Бориса Бажанова «Воспоминания бывшего секретаря Сталина»)

На службе у Сталина

...9 августа 1923 года Оргбюро ЦК постановило: «Назначить помощником секретаря ЦК т. Сталина т. Бажанова с освобождением его от обязанностей секретаря Оргбюро». В постановлении Сталин ничего не говорит о моей работе секретарем Политбюро. Это обдуманно. Я назначаюсь его помощником. А назначение секретаря Политбюро – это его прерогатива – он будет назначать на этот пост своего помощника или кого найдет нужным (впоследствии – Маленкова, который и не скоро еще будет его помощником)...

Теперь я вхожу в секретариат Сталина. У этого учреждения будет большая история. Сейчас во главе его номинально стоит Назаретян. Но он сейчас же уйдет в отпуск, который будет продолжен по болезни. Он вернется в конце года очень ненадолго, будет Сталиным послан в «Правду» с особыми поручениями и обратно в аппарат ЦК не вернется.

Амаяк Назаретян – армянин, очень культурный, умный, мягкий и выдержанный. Он в свое время вел со Сталиным партийную работу на Кавказе. Со Сталиным на ты сейчас всего три человека: Ворошилов, Орджоникидзе и Назаретян. Все трое они называют Сталина «Коба» по его старой партийной кличке. У меня впечатление, что то, что его секретарь говорит ему «ты», Сталина начинает стеснять. Он уже метит во всероссийские самодержцы, и эта деталь ему неприятна. В конце года он отделяется от Назаретяна не очень элегантно способом. Похоже на то, что этим их личные отношения прервутся. Назаретян уедет на Урал – председателем областной контрольной комиссии, потом вернется в Москву и будет работать в аппарате ЦКК и комиссии советского контроля, но к Сталину больше приближаться не будет. В 1937 году Сталин его расстреляет.

Другой помощник Сталина, Иван Павлович Товстуха наоборот, до самой своей смерти (в 1935 году) будет играть важную роль в сталинском секретариате и при Сталине. Но сейчас, на ближайшие месяцы, он в секретариате будет бывать мало – он выполняет особое поручение Сталина – организует «Институт Ленина». Постоянно работают в секретариате сейчас три помощника Сталина: я, Мехлис и Каннер. Когда мы определяем в наших разговорах сферы нашей работы, мы делаем это так: «Бажанов – секретарь Сталина по Политбюро; Мехлис – личный секретарь Сталина; Гриша Каннер – секретарь Сталина по темным делам; Товстуха – секретарь по полутемным».

Это требует пояснений. Сравнительно ясно все насчет меня и Мехлиса. Ничего темного в нашей работе нет. В частности, все, что адресуется и приходит в Политбюро, получаю я. Все, что приходит на имя Сталина лично, получает Мехлис и докладывает Сталину. Я, так сказать, обслуживаю Политбюро, Мехлис обслуживает Сталина. У Гриши Каннера официально функции неопределенно-бытовые. Он занимается безопасностью, квартирами, автомобилями, отпусками, лечебной комиссией ЦК, ячейкой ЦК, на первый взгляд всякими мелочами. Но это – надводная часть его работы. Подводная – о ней можно только догадываться.

Я очень скоро выясняю основную линию работы Гриши Каннера. Управляет делами ЦК старый чекист, бывший член коллегии ВЧК Ксенофонтов. Он и его заместитель Бризановский, тоже чекист, работают по указаниям и приказам Гриши.

* * *

Как только я назначен секретарем Политбюро, Гриша Каннер и Ксенофонтов заявляют, что мне необходимо переехать в Кремль или, по крайней мере, в 1-й Дом Советов. «Лоскутка» (Лоскутная гостиница), в которой я живу, – настоящий проходной двор. Туда входит кто хочет. Теперь на «органах безопасности» лежит задача охранять мою драгоценную персону. Это легко сделать в Кремле, куда люди входят только по выполнении ряда формальностей и под строгим контролем. В 1-м Доме Советов тоже есть комендатура, и тот, кто хочет к вам пройти, должен позвонить к вам из комендатуры и получить пропуск, а при выходе предъявить его в комендатуру с вашей отметкой. Довольно серьезно звучит еще аргумент, что я могу брать на дом иную срочную работу, а это все – чрезвычайно секретные документы Политбюро. «Лоскутка» для этого никак не подходит. Я соглашаюсь, но в Кремль я не хочу – там каждый ваш шаг на учете, там вы чихнуть не можете так, чтобы ГПУ этого не знало. В 1-м Доме Советов все же немного свободнее. Я переселяюсь в 1-й Дом Советов. Там же живут и Каганович, и Каннер, и Мехлис, и Товстуха.

ЦК партии, бывший в 1922 году и первую половину 1923 года на Воздвиженке, переезжает теперь в огромный дом на Старой площади, 5-й этаж дома отведен для секретарей ЦК и наших секретных служб. Поднявшись на 5-й этаж, можно пойти по коридору направо – здесь Сталин, его помощники и секретариат Политбюро; пойти же по коридору налево – здесь Молотов и Рудзутак, их помощники и секретариат Оргбюро. Если пойти по первому правому коридору, первая дверь налево ведет в бюро Каннера и Мехлиса. Только через него можно попасть в кабинет Сталина, и то не прямо, а пройдя сквозь комнату, где дежурит курьер (это крупная женщина, чекистка Нина Фоменко). Дальше идет кабинет Сталина. Пройдя его насквозь, попадаешь в обширную комнату, служащую для совещаний Сталина и Молотова. Сейчас же за ней кабинет Молотова. Сталин и Молотов много раз в течение дня встречаются и совещаются в этой средней комнате.

В кабинет Сталина можно войти только по докладу Мехлиса. Курьерша входит, только если Сталин вызывает звонком. Каннер или Товстуха, если им нужно видеть Сталина, спрашивают его предварительно по телефону, можно ли к нему. Только два человека имеют право входа к Сталину без доклада: я и Мехлис. Мехлис как личный секретарь. Я – потому что мне все время надо видеть Сталина по делам Политбюро, а дела Политбюро считаются самыми важными и срочными. Я захожу к Сталину, кто бы у него ни был, что бы он ни делал, и прямо обращаюсь к нему. Он прерывает свои разговоры или свое заседание и занимается тем, что я ему приношу, – дела Политбюро срочнее всех других. Но это мое право и по отношению ко всем секретарям ЦК, и всем советским вельможам. Когда нужно, я захожу на любое заседание (скажем, например, официального правительства, Совнаркома) или в кабинет любого министра, не ожидая и не докладываясь, и прямо обращаюсь к нему, что бы он ни делал, прерывая его. Это моя прерогатива как секретаря Политбюро – я прихожу только по делам Политбюро, а более важных и срочных нет.

* * *

В первые дни моей работы я десятки раз в день хожу к Сталину докладывать ему полученные для Политбюро бумаги. Я очень быстро замечаю, что ни содержание, ни судьба этих бумаг совершенно его не интересуют. Когда я его спрашиваю, что надо делать по этому вопросу, он отвечает: «А что, по-вашему, надо делать?» Я отвечаю – по моему, то-то: внести на обсуждение Политбюро, или передать в какую-то комиссию ЦК, или считать вопрос недостаточно проработанным и согласованным и предложить ведомству его согласовать сначала с другими

заинтересованными ведомствами и т. д. Сталин сейчас же соглашается: «Хорошо, так и сделайте». Очень скоро я прихожу к убеждению, что я хожу к нему зря и что мне надо проявлять больше инициативы. Так я и делаю. В секретариате Сталина мне разъясняют, что Сталин никаких бумаг не читает и никакими делами не интересуется. Меня начинает занимать вопрос, чем же он интересуется.

В ближайшие дни я получаю неожиданный ответ на этот вопрос. Я вхожу к Сталину с каким-то срочным делом, как всегда, без доклада. Я застаю Сталина говорящим по телефону. То есть не говорящим, а слушающим – он держит телефонную трубку и слушает. Не хочу его прервать, дело у меня срочное, вежливо жду, когда он кончит. Это длится некоторое время. Сталин слушает и ничего не говорит. Я стою и жду. Наконец я с удивлением замечаю, что на всех четырех телефонных аппаратах, которые стоят на столе Сталина, трубка лежит и он держит у уха трубку от какого-то непонятного и мне неизвестного телефона, шнур от которого идет почему-то в ящик сталинского стола. Я еще раз смотрю: все четыре сталинских телефона: этот – внутренний чекистский для разговоров внутри ЦК, здесь вас соединяет телефонистка ЦК; вот «Верхний Кремль» – это телефон для разговоров через коммутатор «Верхнего Кремля»; вот «Нижний Кремль» – тоже для разговоров через коммутатор «Нижнего Кремля»; по обоим этим телефонам вы можете разговаривать с очень ответственными работниками или с их семьями; Верхний соединяет больше служебные кабинеты, Нижний – больше квартиры; соединение происходит через коммутаторы, обслуживаемые телефонистками, которые все подобраны ГПУ и служат в ГПУ.

Наконец, четвертый телефон – «вертушка». Это телефон автоматический с очень ограниченным числом абонентов (60, потом 80, потом больше). Его завели по требованию Ленина, который находил опасным, что секретные и очень важные разговоры ведутся по телефону, который всегда может подслушивать соединяющая телефонная барышня. Для разговоров исключительно между членами правительства была установлена специальная автоматическая станция без всякого обслуживания телефонистками. Таким образом секретность важных разговоров была обеспечена. Эта «вертушка» стала, между прочим, и самым важным признаком вашей принадлежности к высшей власти. Ее ставят только у членов ЦК, наркомов, их заместителей, понятно, у всех членов и кандидатов Политбюро; у всех этих лиц в их кабинетах. Но у членов Политбюро также и на их квартирах.

Итак, ни по одному из этих телефонов Сталин не говорит. Мне нужно всего несколько секунд, чтобы это заметить и сообразить, что у Сталина в его письменном столе есть какая-то центральная станция, при помощи которой он может включиться и подслушать любой разговор, конечно, «вертушек». Члены правительства, говорящие по «вертушкам», все твердо уверены, что их подслушать нельзя – телефон автоматический. Говорят они поэтому совершенно откровенно, и так можно узнать все их секреты.

* * *

Сталин подымает голову и смотрит мне прямо в глаза тяжелым пристальным взглядом. Понимаю ли я, что я открыл? Конечно, понимаю, и Сталин это видит. С другой стороны, так как я вхожу к нему без доклада много раз в день, рано или поздно эту механику я должен открыть, не могу не открыть. Взгляд Сталина спрашивает меня, понимаю ли я, какие последствия вытекают из этого открытия для меня лично. Конечно, понимаю. В деле борьбы Сталина за власть этот секрет – один из самых важных: он дает Сталину возможность, подслушивая разговоры всех Троцких, Зиновьевых и Каменевых между собой, всегда быть в курсе всего, что они затевают, что они думают, а это – оружие колоссальной важности. Сталин среди них один зрячий, а они все слепые. И они не подозревают, и годами не будут подозревать, что он всегда знает все их мысли, все их планы, все их комбинации, и все, что они о нем думают, и

все, что они против него затевают. Это для него одно из важнейших условий победы в борьбе за власть. Понятно, что за малейшее лишнее слово по поводу этого секрета Сталин меня уничтожит мгновенно.

Я смотрю тоже Сталину прямо в глаза. Мы ничего не говорим, но все понятно и без слов. Наконец я делаю вид, что не хочу его отвлекать с моей бумагой, и ухожу. Наверное, Сталин считает, что секрет я буду хранить.

Обдумав все это дело, я прихожу к выводу, что есть во всяком случае еще один человек, Мехлис, который тоже не может не быть в курсе дела – он тоже входит к Сталину без доклада. Выбрав подходящий момент, я ему говорю, что я, так же, как и он, знаю этот секрет, и только мы его, очевидно, и знаем. Мехлис, конечно, ожидал, что я рано или поздно буду знать. Но он меня поправляет: кроме нас знает и еще кто то: тот, кто всю эту комбинацию технически организовал. Это – Гриша Каннер. Теперь между собой уже втроем мы говорим об этом свободно, как о нашем общем секрете. Я любопытствую, как Каннер это организовал. Он сначала отнекивается и отшучивается, но бахвальство берет верх, и он начинает рассказывать. Постепенно я выясняю картину во всех подробностях.

Когда Ленин подал мысль об устройстве автоматической сети «вертушек», Сталин берется за осуществление мысли. Так как больше всего «вертушек» надо ставить в здании ЦК (трем секретарям ЦК, секретарям Политбюро и Оргбюро, главным помощникам секретарей ЦК и заведующим важнейшими отделами ЦК), то центральная станция будет поставлена в здании ЦК, и так как центр сети технически целесообразнее всего ставить в том пункте, где сгруппировано больше всего абонентов (а их больше всего на 5-м этаже – три секретаря ЦК, секретари Политбюро и Оргбюро, Назаретян, Васильевский – уже семь аппаратов), то он ставится здесь, на 5-м этаже, где-то недалеко от кабинета Сталина.

Всю установку делает чехословацкий коммунист – специалист по автоматической телефонии. Конечно, кроме всех линий и аппаратов Каннер приказывает ему сделать и контрольный пост, «чтобы можно было в случае порчи и плохого функционирования контролировать линии и обнаруживать места порчи». Такой контрольный пост, при помощи которого можно включаться в любую линию и слушать любой разговор, был сделан. Не знаю, кто поместил его в ящик стола Сталина – сам ли Каннер или тот же чехословацкий коммунист. Но как только вся установка была кончена и заработала, Каннер позвонил в ГПУ Ягоде от имени Сталина и сообщил, что Политбюро получило от чехословацкой компартии точные данные и доказательства, что чехословацкий техник – шпион; зная это, ему дали закончить его работу по установке автоматической станции; теперь же его надлежит немедленно арестовать и расстрелять. Соответствующие документы ГПУ получит дополнительно.

В это время ГПУ расстреливало «шпионов» без малейшего стеснения. Ягоду смутило все же, что речь идет о коммунисте, – не было бы потом неприятностей. Он на всякий случай позвонил Сталину. Сталин подтвердил. Чехословацкого коммуниста немедленно расстреляли.

Никаких документов Ягода не получил и через несколько дней позвонил Каннеру. Каннер сказал ему, что дело не кончено, – шпионы и враги проникли в верхушку чехословацкой компартии; материалы по этому поводу продолжают быть чрезвычайно секретными и не выйдут из архивов Политбюро.

Ягода этим объяснением удовлетворился. Нечего и говорить, что обвинения были полностью выдуманы и никаких бумаг в архивах Политбюро по этому делу не было.

* * *

Передо мной встает проблема. Что я должен делать? Я – член партии. Я знаю, что один член Политбюро имеет возможность шпионить за другими членами Политбюро. Должен ли я предупредить этих остальных членов Политбюро?

Какие последствия это будет иметь для меня лично, не представляет для меня никаких сомнений. Погибну ли я жертвой «несчастливого случая» или ГПУ для Сталина смастерит обо мне дело, что я диверсант и агент английского империализма, Сталин во всяком случае со мной расправится. Для большой цели можно жертвовать собой. Стоит ли для этого? То есть для того, чтобы помешать одному члену Политбюро подслушивать разговоры других. Я решаю, что здесь не надо торопиться. Сталинский секрет я знаю: раскрыть его я всегда успею, если это будет очень важно. Пока я этой важности не чувствую – полгода пребывания в Оргбюро унесло у меня уже немало иллюзий; я уже хорошо вижу, что идет борьба за власть, и довольно беспринципная; ни к одному из борющихся за власть я особых симпатий не чувствую. И, наконец, если Сталин подслушивает Зиновьева, то, может быть, Зиновьев каким-то образом, в свою очередь, подслушивает Сталина. Кто его знает?..

Свердловы, Ягода и Блюмкин

...Я знакомлюсь с семейством Свердловых. Это очень интересное семейство. Старик Свердлов уже умер. Он жил в Нижнем Новгороде и был гравером. Он был очень революционно настроен, связан со всякими революционными организациями, и его работа гравера заключалась главным образом в изготовлении фальшивых печатей, при помощи которых революционные подпольщики фабриковали себе подложные документы. Атмосфера в доме была революционная. Но старший сын Зиновий в результате каких-то сложных душевных процессов пришел к глубокому внутреннему кризису, порвал с революционными кругами, и с семьей, и с иудаизмом. Отец его проклял торжественным еврейским ритуальным проклятием. Его усыновил Максим Горький, и Зиновий стал Зиновием Пешковым. Но, продолжая свой душевный путь, он отошел и от революционного окружения Горького, уехал во Францию и поступил в Иностранный легион для полного разрыва с прошлой жизнью. Когда через некоторое время пришло известие, что он потерял в боях руку, старик Свердлов страшно разволновался: «Какую руку?» И когда оказалось, что правую, торжеству его не было предела: по формуле еврейского ритуального проклятия, когда отец проклинает сына, тот должен потерять именно правую руку. Зиновий Пешков стал французским гражданином, продолжал служить в армии и дошел до чина полного генерала. От семьи он отрекся полностью. Когда я, приехав во Францию, хотел сообщить ему новости о его двух братьях и сестре, живших в России, он ответил, что это не его семья и что он о них ничего знать не хочет.

Второй брат, Яков, был в партии Ленина, видный член большевистского ЦК. После Октябрьской революции он стал правой рукой Ленина и Председателем ВЦИК, то есть формальным главой Советской республики. Главная его работа была организационная и распределительная: он заменял собой то, что в партии потом стало партийным аппаратом и в особенности ее орграспредом. Но в марте 1919 года он умер от туберкулеза. Его именем назван миллионный город – столица Урала, Свердловск.

Третий брат, Вениамин Михайлович, не питал склонности к революционной деятельности, предпочел эмигрировать в Америку и стал там собственником небольшого банка. Но когда произошла большевистская революция в России, Яков спешно затребовал брата. Вениамин ликвидировал свой банк и приехал в Петроград. Он был назначен наркомом путей сообщения. Через некоторое время он убедился, что на этом посту ничего не может сделать (потом на этом посту так же неудачно перебивали Троцкий и Дзержинский), и предпочел перейти в члены Президиума ВСНХ. В дальнейшем его карьера медленно, но верно шла вниз. Впрочем, он умудрялся оставаться беспартийным, и по смерти брата можно только удивляться, что она не рухнула сразу. В эти времена (1923 – 1924 – 1925 годы) он был еще членом ВСНХ и заведовал его научно-техническим отделом.

Четвертый брат, Герман Михайлович, был, собственно, им сводным братом: по смерти первой жены старик Свердлов женился на русской Кормильцевой, и Герман был их сыном. Он был много моложе (В 1923 году ему было девятнадцать лет), в революции участия не принимал, был еще комсомольцем, на редкость умным и остроумным мальчишкой. Я был на четыре года старше его. Он очень ко мне привязался, постоянно у меня бывал и был со мной очень дружен. О моей внутренней эволюции (когда я постепенно стал антикоммунистом) он не имел понятия. Впрочем, мы с ним разговаривали обо всем, кроме политики.

У четырех братьев Свердловых была сестра. Она вышла замуж за богатого человека Авербаха, жившего где-то на юге России. У Авербахов были сын и дочь. Сын Леопольд, очень бойкий и нахальный юноша, открыл в себе призвание руководить русской литературой и одно время через группу «напостовцев» осуществлял твердый чекистский контроль в литературных кругах. А опирался он при этом главным образом на родственную связь – его сестра Ида вышла замуж за небезызвестного Генриха Ягоду, руководителя ГПУ.

Ягода в своей карьере тоже немалым был обязан семейству Свердловых. Дело в том, что Ягода был вовсе не фармацевтом, как гласили слухи, которые он о себе распустил, а подмастерьем в граверной мастерской старика Свердлова. Правда, после некоторого периода работы Ягода решил, что пришла пора обосноваться и самому. Он украл весь набор инструментов и с ним сбежал, правильно рассчитывая, что старик Свердлов предпочтет в полицию не обращаться, чтобы не выплыла на свет Божий его подпольная деятельность. Но обосноваться на свой счет Ягоде не удалось, и через некоторое время он пришел к Свердлову с повинной головой. Старик его простил и принял на работу. Но через некоторое время Ягода, обнаруживая постоянство идей, снова украл все инструменты и сбежал.

После революции все это забылось, Ягода пленил Иду, племянницу главы государства, и это очень помогло его карьере – он стал вхож в кремлевские круги...

* * *

Вдова Якова Свердлова, Клавдия Новгородцева, жила совсем незаметной жизнью, нигде не работала.

Как-то раз приходит ко мне Герман Свердлов и между прочим рассказывает: Андрей (сын Якова Свердлова и Клавдии Новгородцевой), которому было в это время лет пятнадцать, заинтересовался тем, что один ящик в письменном столе матери всегда закрыт, и когда он у нее спросил, что в этом ящике, она его резко оборвала: «Отстань, не твое дело». И вот как-то, снedaемый любопытством и уловив момент, когда мать ненадолго где-то в комнате забыла ключи, он этот ящик открыл. И что же там оказалось? Куча каких-то фальшивых камней, очень похожих на большие бриллианты. Но, конечно, камни поддельные. Откуда у матери может быть такая масса настоящих бриллиантов? Ящик он снова закрыл и положил ключи на прежнее место.

Яков Свердлов, кажется, стяжателем никогда не был, и никаких ценностей у него не было. Я согласился с Германом – конечно, это что-то ничего не стоящее.

Но понял я, что тут налицо совсем другое. Еще до этого, роюсь в архивах Политбюро, я нашел, что три – четыре года назад, в 1919 – 1920 годах, во время своего острого военного кризиса, когда советская власть висела на волоске, из общего государственного алмазного фонда был выделен «алмазный фонд Политбюро». Назначение его было такое, чтобы в случае потери власти обеспечить членам Политбюро средства для жизни и продолжения революционной деятельности. Следы о соответствующих распоряжениях и выделении из государственного алмазного фонда в архиве были, но не было ни одного слова о том, где же этот фонд спрятан. Не было даже ни слова в особой папке – в моем сейфе. Очевидно, было решено, что о месте хранения фонда должны знать только члены Политбюро.

Теперь я неожиданно находил ключ. Действительно, в случае потери власти не подходило ни одно из мест хранения, кроме того, чтобы спрятать этот фонд у какого-то частного лица, к которому Политбюро питало полное доверие, но в то же время не играющего ни малейшей политической роли и совершенно незаметного.

Это объясняло, почему Клавдия Новгородцева нигде не служила и вела незаметный образ жизни, а кстати – и почему она не носила громкого имени Свердлова, которое бы ей во многом помогало во всяких мелочах жизни, и продолжала носить девичью фамилию. Очевидно, она была хранительницей фонда (впрочем, я не думаю, что это затем продолжалось много лет, так как падение советской власти с каждым годом становилось более маловероятным).

Должен добавить о Свердловых, что Вениамин погиб в 1937 году, Леопольд Авербах был расстрелян в 1938-м, Ягода, как известно, тоже в 1938-м...

* * *

...Я часто встречался с Мункой Зорким. Это была его комсомольская кличка; настоящее имя Эммануил Лифшиц. Он заведовал Отделом печати ЦК комсомола. Это был умный, забавный и остроумный мальчишка. У него была одна слабость – он панически боялся собак. Когда мы шли с ним вместе по улице, а навстречу шел безобидный пес, Мунька брал меня за локоть и говорил: «Послушай, Бажанов, давай лучше перейдем на другую сторону улицы; ты знаешь, я – еврей и не люблю, когда меня кусают собаки».

Мы шли с ним по Арбату. Поравнялись со старинным роскошным буржуазным домом. «Здесь, – говорит Мунька, – я тебя оставляю. В этом доме третий этаж – квартира, забронированная за ГПУ, и живет в ней Яков Блюмкин, о котором ты, конечно, слышал. Я с ним созвонился, и он меня ждет. А впрочем, знаешь, Бажанов, идем вместе. Не пожалеешь. Блюмкин – редкий дурак, особой, чистой воды. Когда мы придем, он, ожидая меня, будет сидеть в шелковом красном халате, курить восточную трубку в аршин длины и перед ним будет раскрыт том сочинений Ленина (кстати, я нарочно посмотрел: он всегда раскрыт на той же странице). Пойдем, пойдем». Я пошел. Все было как предвидел Зоркий – и халат, и трубка, и том Ленина. Блюмкин был существо чванное и самодовольное. Он был убежден, что он – исторический персонаж. Мы с Зорким потешались над его чванством: «Яков Григорьевич, мы были в музее истории революции; там вам и убийству Мирбаха посвящена целая стена». – «А, очень приятно. И что на стене?» – «Да всякие газетные вырезки, фотографии, документы, цитаты; а сверху через всю стену цитата из Ленина: «Нам нужны не истерические выходки мелкобуржуазных дегенератов, а мощная поступь железных батальонов пролетариата». Конечно, мы это выдумали; Блюмкин был очень огорчен, но проверить нашу выдумку в музей революции не пошел.

Об убийстве Мирбаха двоюродный брат Блюмкина рассказывал мне, что дело было не совсем так, как описывает Блюмкин: когда Блюмкин и сопровождавшие его были в кабинете Мирбаха, Блюмкин бросил бомбу и с чрезвычайной поспешностью выбросился в окно, причем повис штанами на железной ограде в очень некомфортабельной позиции. Сопровождавший его матросик не спеша ухлопал Мирбаха, снял Блюмкина с решетки, погрузил его в грузовик и увез. Матросик очень скоро погиб где-то на фронтах Гражданской войны, а Блюмкин был объявлен большевиками вне закона. Но очень скоро он перешел на сторону большевиков, предав организацию левых эсеров, был принят в партию и в ЧК, и прославился участием в жестоком подавлении грузинского восстания. Дальше чекистская карьера привела его в Монголию, где во главе ЧК он так злоупотреблял расстрелами, что даже ГПУ нашло нужным его отозвать. Шелковый халат и трубка были оттуда – воспоминание о Монголии. ГПУ не знало, куда его девать, и он был в резерве.

Когда он показал мне свою квартиру из четырех огромных комнат, я сказал: «И вы здесь живете один?» – «Нет, со мной живет мой двоюродный брат Максимов – он занимается моим хозяйством». Максимов был мне представлен. Он был одессит, как и Блюмкин. Максимов – была его партийная кличка, которой он, в сущности, не имел права пользоваться, так как в Одессе он был членом партии и заведовал хозяйством кавалерийского полка, но проворовался, продавая казенный овес в свою пользу, и был исключен из партии и выгнан из армии. Настоящая его фамилия была Биргер. Он жил у кузена, и Блюмкин пытался его устроить на службу, но это было нелегко: человека исключенного из партии за кражу казенного имущества, никто не жаждал принимать.

– И у вас две комнаты совершенно пустые; а Герман Свердлов, брат покойного Якова, который живет в тесной квартире у брата Вениамина в доме ВСНХ, не имеет даже своей комнаты. Поселить бы его здесь у вас.

– Брат Якова Свердлова? Да я буду счастлив. Пусть переезжает хоть сегодня.

Так Герман Свердлов поселился у Блюмкина.

* * *

Не зная, куда девать Блюмкина, ГПУ пробовало его приставить к Троцкому. Троцкий в 1925 году объезжал заводы с комиссией по обследованию качества продукции. Блюмкин был всажен в эту комиссию. Как ни наивен был Троцкий, но функции Блюмкина в комиссии для него были совершенно ясны. В первый же раз, когда подкомиссия во главе с Блюмкиным обследовала какой-то завод и на заседании комиссии под председательством Троцкого Блюмкин хотел делать доклад, Троцкий перебил его: «Товарищ Блюмкис был там оком партии по линии бдительности; не сомневаемся, что он свою работу выполнил. Заслушаем сообщения специалистов, бывших в подкомиссии». Блюмкин надулся, как индюк: «Во-первых, не Блюмкис, а Блюмкин; вам бы следовало лучше знать историю партии, товарищ Троцкий; во-вторых...» Троцкий стукнул кулаком по столу: «Я вам слова не давал!» Из комиссии Блюмкин вышел ярым врагом Троцкого.

Чтобы использовать его ненависть к оппозиции, ГПУ пробовало его еще приставить к Каменеву – уже в 1926-м, когда Каменева назначили наркомторгом, Блюмкина определили консультантом наркомторга; секретари Каменева веселились до упаду по поводу работы «консультанта». Секретари Каменева мне показывали торжественное обращение недовольного Блюмкина к Каменеву. Оно начиналось так: «Товарищ Каменев! Я вас спрашиваю: где я, что я и кто я такой?» Пришлось отозвать его и оттуда.

Вскоре Блюмкина отправили резидентом ГПУ (шпионаж и диверсии) в страны Ближнего Востока. Его ненависть к Троцкому давно прошла, он вошел в контакт с троцкистской оппозицией и согласился отвезти Троцкому (который был в это время в Турции на Принцевых островах) какие-то секретные материалы. Его сотрудница, Лиза, предала его ГПУ. Он был вызван в Москву будто бы для доклада о делах, арестован и расстрелян.

ГПУ и Ягода

...В первый раз я увидел и услышал Ягоду на заседании комиссии ЦК, на которой я секретарствовал, а Ягода был в числе вызванных к заседанию. Все члены комиссии не были еще в сборе, и прибывшие вели между собой разговоры. Ягода разговаривал с Бубновым, бывшим еще в это время заведующим Агитпропом ЦК. Ягода хвастался успехами в развитии информационной сети ГПУ, охватывавшей все более и более всю страну. Бубнов отвечал, что основная база этой сети – все члены партии, которые нормально всегда должны быть и являются информаторами ГПУ; что же касается беспартийных, то вы, ГПУ, конечно, выбираете эле-

менты, наиболее близкие и преданные советской власти. «Совсем нет, – возражал Ягода, мы можем сделать сексотом кого угодно, и в частности людей, совершенно враждебных советской власти». – «Каким образом?» – любопытствовал Бубнов. – «Очень просто, – объяснял Ягода. – Кому охота умереть с голоду? Если ГПУ берет человека в оборот с намерением сделать из него своего информатора, как бы он ни сопротивлялся, он все равно в конце концов будет у нас в руках: уволим с работы, а на другую нигде не примут без секретного согласия наших органов. И в особенности если у человека есть семья, жена, дети, он вынужден быстро капитулировать».

Ягода произвел на меня отвратительное впечатление. Старый чекист Ксенофонтов, бывший раньше членом коллегии ВЧК, а теперь работавший управляющим делами ЦК и выполнявший все темные поручения Каннера, Лацис и Петерс, наглый и развязный секретарь коллегии ГПУ Гриша Беленький дополняли картину – коллегия ГПУ была бандой темных прохвостов, прикрытая для виду Дзержинским.

Как раз в это время приехал в Москву, чтобы меня видеть, мой знакомый, помощник начальника железнодорожной станции в Подолии. Это был превосходный, в высшей степени порядочный человек. Он был женат на моей троюродной тетке, знал меня гимназистом и продолжал говорить мне «ты», несмотря на все мои высокие чины и ранги (я продолжал говорить ему «вы»). Он был очень удручен и приехал просить у меня совета и помощи. Местные органы ГПУ на железной дороге требовали от него вступления в число секретных сотрудников, то есть чтобы он шпионил и доносил на своих сослуживцев. Его, вероятно, наметили как легкую добычу – он был обременен семьей и был человек очень мягкий. Но быть сексотом ГПУ он отказывался. Местный чекист раскрыл карты – выбросим со службы, скажете «ау» железной дороге и вообще никуда вас не примут; когда семья начнет пухнуть с голоду, все равно согласитесь.

Он приехал ко мне: что делать? На его счастье в моем лице у него была защита – аппаратчик высокого ранга. Я взял печатный бланк ЦК и написал на нем записку железнодорожному чекисту с требованием оставить моего родственника в покое. Бланк ЦК сыграл свою роль, и его больше не тревожили. Этот эпизод иллюстрировал для меня систему Ягоды по охвату страны информационной сетью.

* * *

Имея определенное мнение о коллегии ГПУ, я не скрывал своего чрезвычайно недружелюбного отношения ко всей этой публике. Это вызвало в коллегии ГПУ переполох. Иметь врага в лице помощника Сталина, который к тому же секретарь Политбюро, коллегия ГПУ нашла для себя крайне неудобным. Обдумывали, как быть. В конце концов решили, что выгоднее эту обоюдную вражду сделать открытой и официальной, ставя этим под подозрение всякий удар, какой я мог бы им нанести. Конечно, они справедливо опасались, что, секретарствуя на заседаниях Политбюро, будучи постоянно в контакте с секретарями ЦК и членами Политбюро, я могу быть им очень опасен.

Кроме того, они решили сыграть и на чрезвычайной подозрительности Сталина. Ягода написал Сталину письмо от имени коллегии ГПУ. В письме коллегия ГПУ считала своим долгом предупредить Сталина и Политбюро, что секретарь Политбюро Бажанов, по их общему мнению, – скрытый контрреволюционер. Они, к сожалению, не могут еще представить никаких доказательств и основываются больше на своем чекистском чутье и опыте, но считают, что их обязанность – довести их убеждение до сведения ЦК. Письмо подписал Ягода.

Сталин протянул мне письмо и сказал: «Прочтите». Я прочел. Мне было 23 года. Сталин, считавший себя большим знатоком людей, внимательно на меня смотрел. Если здесь есть доля правды, юноша смутится и начнет оправдываться. Я, наоборот, улыбнулся и вернул Сталину письмо, ничего не говоря. «Что вы по этому поводу думаете?» – спросил Сталин. «Товарищ

Сталин, – ответил я с легким оттенком укоризны, – вы ведь знаете Ягоду – ведь это же сволочь». – «А все-таки, – сказал Сталин, – почему же он это пишет?» – «Я думаю, по двум причинам: с одной стороны, хочет заронить какое-то подозрение насчет меня; с другой стороны, мы с ним сталкивались на заседаниях Высшего Совета физической культуры, где я, как представитель ЦК и проводя линию ЦК, добился отмены его вредных позиций: но он не только хочет мне отомстить вот этим способом, но чувствуя, что я к нему не испытываю ни малейшего уважения и ни малейшей симпатии, хочет заранее скомпрометировать все, что я о нем могу сказать вам или членам Политбюро».

Сталин нашел это объяснение вполне правдоподобным. Кроме того, зная Сталина, я ни секунды не сомневался, что весь этот оборот дела ему очень нравится: секретарь Политбюро и коллегия ГПУ в открытой вражде; можно не сомневаться, что ГПУ будет внимательно следить за каждым шагом секретаря Политбюро и чуть что – немедленно его известит; а секретарь Политбюро, со своей стороны, не упустит никакого случая поставить его в известность, если узнает что-либо подозрительное в практике коллегии ГПУ.

На этой базе и установились мои отношения с ГПУ: время от времени Ягода извещал Сталина об их уверенности на мой счет, а Сталин равнодушно передавал эти цидульки мне.

Но я еще должен сказать, что я был доволен, прочтя первый донос Ягоды. Дело в том, что открытая вражда обеспечивала мне безопасность в одном отношении. У ГПУ огромные возможности устроить несчастный случай – автомобильную катастрофу, убийство будто бы с целью ограбления (с подставными бандитами) и т. д. После объявления открытых враждебных действий ГПУ все эти возможности отпадали – теперь за несчастный случай со мной Ягода заплатил бы головой.

А незадолго до этого письма у меня был такой случай. В ЦК были устроены для сотрудников группы по изучению иностранных языков. Я бывал на группах по изучению английского и французского. В группе английского я познакомился с очень хорошенькой молодой латышкой Вандой Зведре, работавшей в аппарате ЦК. В это время я был вполне свободен; мы с Вандой друг другу понравились, но оба приняли это просто как приятную авантюру. Ванда была замужем за крупным чекистом. Она жила с мужем на Лубянке, в доме ГПУ, в нем были квартиры для наиболее ответственных чекистов. Ванда бывала у меня, но как-то пригласила меня к себе, в ее квартиру на Лубянке. Мне было любопытно посмотреть, как живут чекистские верхи в их доме; я к ней пришел вечером после работы. Ванда объяснила мне, что муж ее уехал в командировку, и предложила остаться у нее на ночь. Это мне показалось чрезвычайно подозрительным – «неожиданно» вернувшийся из командировки муж, застав меня в кровати своей жены, мог разрядить в меня свой наган, и все прошло бы как обыкновенная история драмы ревности; муж бы показал, что он не имеет понятия, кто я такой. Под предлогом необходимости поработать еще над какими-то срочными бумагами, я отказался (впрочем, подозревал я не Ванду, а ГПУ, которое могло воспользоваться представившимся случаем).

Вот теперь, после письма Ягоды, возможности несчастного случая или убийства на почве ревности отпадали.

* * *

Все следующие годы моей работы прошли в открытой вражде с ГПУ, и это было всем более или менее известно. Сталин к этому вполне привык, и его ничуть не смущали такие случаи, как, например, тот, который произошел с Анной Георгиевной Хутаревой.

В Высшем техническом училище у меня был приятель, беспартийный студент Пашка Зимаков. Политикой он совершенно не занимался и не интересовался. Мать его, Анна Георгиевна, по смерти мужа (Зимакова) вышла замуж за очень богатого человека, Ивана Андреевича Хутарева, владельца большой фабрики тонких сукон в Шараповой Охоте под Москвой. Во

время Гражданской войны Хутарев, спасаясь от большевиков, бежал на Юг, оттуда за границу и жил в 1924 году в Бадене под Веной. Жена осталась с четырьмя маленькими детьми; жена «капиталиста», она жила чрезвычайно бедно и трудно.

Пашка Зимаков извещает меня – мама очень хочет тебя видеть. Приезжаю. Оказывается следующее. В совершенно святой простоте Анна Георгиевна, взяв у знакомого врача медицинское свидетельство, что для ее состояния здоровья ей были бы очень полезны воды курорта Бадена под Веной, приходит в административный отдел Совета и просит выдать ей заграничный паспорт для поездки на лечение за границу. Чиновник Совета читает ее просьбу: «Вы просите паспорт для поездки со всеми четырьмя детьми?» – «Да». – «Вы, гражданка, сумасшедшая или делаете вид, что вы ненормальная?» – «Почему же? Я хочу поехать лечиться». – «Хорошо, приходите через месяц».

Паспорт выдает ГПУ, и просьба идет туда на изучение. Там, конечно, сейчас же выясняют – буржуйка нагло просит разрешения бежать из страны к своему мужу, белогвардейцу, эмигранту и капиталисту. Через месяц, когда она является в административный отдел совета, ее просят пройти в какой-то кабинет, и там три чекиста начинают многообещающий допрос. Из допроса сразу ясно, что им все известно о муже и даже что он живет в Бадене. Чекисты спрашивают: «Вы что же, издеваетесь над нами?» Бедной женщине приходит в голову спасительная идея: «Я, знаете, не партийная и ничего в политике не понимаю, но если за меня поручится видный партиец?» – «Кто же этот видный партиец?» – иронически спрашивают чекисты. «Это – секретарь товарища Сталина». – «Что? Это что за номер? Вы, гражданка, в своем уме?» – «Да, уверяю вас, что он может за меня поручиться». Чекисты переглядываются: «Хорошо, принесите поручительство – тогда продолжим разговор».

Все это Анна Георгиевна мне рассказывает. Я очарован – наивности в таких пределах я еще не встречал. «Так, значит, – говорю я, – вы меня просите, чтобы я поручился, что по истечении месяца лечения вы с вашими детьми вернетесь в СССР?» – «Да». – «А едете вы к мужу для того, чтобы там с детьми остаться и в СССР не вернуться?» – «Да». Очаровательно. «Вы понимаете, – говорит Анна Георгиевна, – я здесь с детьми пропаду. Выехать к мужу – для меня одно спасение». – «Хорошо, – говорю я, – давайте вашу бумажку – подпишу». – «А я, – говорит Анна Георгиевна, – всю жизнь за вас буду молить Бога».

Дальше все пошло как по маслу. Ягоде было немедленно доложено о моем поручительстве. Представляю себе, как злорадно потирал руки Ягода. Он немедленно выдал заграничный паспорт, и моя Анна Георгиевна со всеми детьми выехала в Австрию. Конечно, когда через месяц ей из советского консульства напомнили, что виза ее истекла и надо возвращаться, она ответила, что от советского гражданства отказывается и остается за границей на эмигрантском положении.

Ягода только этого и ждал, и Сталину был сейчас же послан подробный доклад, как Бажанов помог буржуйке бежать за границу. «Что это еще за история?» – спросил у меня Сталин, передавая мне донос Ягоды. «А это, товарищ Сталин, я хотел проверить, насколько Ягода глуп: если эта буржуйка, которая хочет бежать за границу, и Ягода это знает, почему же он ей подписывает заграничный паспорт и ее выпускает? Если, наоборот, ничего плохого в ее выезде нет, тогда в чем же меня обвинять? Ягода на все согласен, лишь бы мне причинить неприятность, не понимая, в какое глупое положение себя ставит». На этом все и закончилось – Сталин никакого внимания на этот эпизод не обратил.

* * *

Я очень скоро понял, какую власть забирает ГПУ над беспартийным населением, которое отдано на его полный произвол. Так же ясно было, почему при коммунистическом режиме невозможны никакие личные свободы: все национализировано, все и каждый, чтобы жить и

кормиться, обязаны быть на государственной службе. Малейшее свободомыслие, малейшее желание личной свободы – и над человеком угроза лишения возможности работать и, следовательно, жить. Вокруг всего этого гигантская информационная сеть сексотов, обо всех все известно, все в руках у ГПУ. И в то же время, забирая эту власть, начиная строить огромную империю ГУЛАГа, ГПУ старается как можно меньше информировать верхушку партии о том, что оно делает. Развиваются лагеря – огромная истребительная система – партии докладывается о хитром способе за счет контрреволюции иметь бесплатную рабочую силу для строек пятилетки; а кстати «перековка» – лагеря-то ведь «исправительно-трудовые»; а что в них на самом деле? Да ничего особенного: в партии распространяют дурацкий еврейский анекдот о нэпманах, которые говорят, что «лучше воробейчиковы горы, чем соловейчиков монастырь». У меня впечатление, что партийная верхушка довольна тем, что заслон ГПУ (от населения) действует превосходно, и не имеет никакого желания знать, что на самом деле делается в недрах ГПУ: все довольны, читая официальную болтовню «Правды» о стальном мече революции (ГПУ), всегда зорко стоящем на страже завоеваний революции.

Я пробую иногда говорить с членами Политбюро о том, что население отдано в полную и бесконтрольную власть ГПУ. Этот разговор никого не интересует. Я скоро убеждаюсь, что, к счастью, мои разговоры приписываются моим враждебным отношениям к ГПУ и поэтому они не обращаются против меня; а то бы я быстро стал подозрителен: «интеллигентская мягкотелость», «отсутствие настоящей большевистской бдительности по отношению к врагам» (а кто только не враг?) и так далее. Путем длительной и постоянной тренировки мозги членов коммунистической партии твердо направлены в одну определенную сторону. Не тот большевик, кто читал и принял Маркса (кто в самом деле способен осилить эту скучную и безнадежную галиматью), а тот, кто натренирован в непрерывном отыскивании и преследовании всяких врагов. И работа ГПУ все время растет и развивается как нечто для всей партии нормальное – в этом и есть суть коммунизма, чтобы непрерывно хватать кого-нибудь за горло; как же можно упрекать в чем-либо ГПУ, когда оно блестяще с этой задачей справляется? Я окончательно понимаю, что дело не в том, что чекисты – мразь, а в том, что система (человек человеку волк) требует и позволяет, чтобы мразь выполняла эти функции.

* * *

Я столько раз говорю, что Ягода – преступник и негодяй, настоящая роль Ягоды в создании всероссийского ГУЛАГа так ясна и известна, что, кажется, ничего нельзя сказать в пользу этого субъекта. Между тем, один-единственный эпизод из его жизни мне очень понравился – эпизод в его пользу. Это было в марте 1938 года, когда пришло, наконец, время для комедии сталинского «суда» над Ягодой. На «суде» функции прокурора выполняет человекоподобное существо – Вышинский.

Вышинский: «Скажите, предатель и изменник Ягода, неужели во всей вашей гнусной и предательской деятельности вы не испытывали никогда ни малейшего сожаления, ни малейшего раскаяния? И сейчас, когда вы отвечаете, наконец, перед пролетарским судом за все ваши подлые преступления, вы не испытываете ни малейшего сожаления о сделанном вами?»

Ягода: «Да, сожалею, очень сожалею...»

Вышинский: «Внимание, товарищи судьи. Предатель и изменник Ягода сожалеет. О чем вы сожалеете, шпион и преступник Ягода?»

Ягода: «Очень сожалею... Очень сожалею, что, когда я мог это сделать, я всех вас не расстрелял».

Надо пояснить, что у кого-кого, а у Ягоды, самого организовавшего длинную серию таких же процессов, никаких, даже самых малейших иллюзий насчет результатов «суда» не было...

В. Кривицкий **«Большая чистка» Сталина. «Ошибки» Ягоды**

(Из книги Вальтера Кривицкого «Я был агентом Сталина»)

ОГПУ. Ягода и Ежов

Мое знакомство с ОГПУ состоялось в январе 1926 года, когда я оказался в роли «подозреваемого». Я занимал тогда пост начальника военной разведки в Западной Европе III отдела Разведуправления Красной Армии. III отдел собирает сведения, поступающие со всего мира, и составляет секретные доклады и специальные бюллетени для двадцати членов высшего руководства СССР.

В то утро меня вызвал к себе Никонов, возглавлявший III отдел, и сказал мне, чтобы я немедленно отправлялся в спецотдел московского областного ОГПУ.

– Вход через улицу Дзержинского, подъезд № 14, – сказал он. – Вот пропуск.

Он протянул мне кусочек зеленого картона, присланный из ОГПУ. На мой вопрос, зачем меня вызывают, он сказал:

– Честно говоря, не знаю. Но когда они вызывают, нужно идти немедленно.

Вскоре я стоял перед следователем ОГПУ. Он сухо предложил мне сесть, сел сам за свой стол и стал перебирать какие-то бумаги. Десять минут прошло в молчании, после чего он быстро взглянул на меня и спросил:

– Когда вы последний раз дежурили по Третьему отделу?

– Шесть дней назад, – ответил я.

– Тогда скажите, куда девалась печать Третьего отдела? – сказал он с напускным драматизмом.

– Откуда мне знать? – ответил я. – Дежурный на выходе не подписал бы мне пропуск, если бы я не сдал ему ключи и печать.

Следователь вынужден был признать, что, судя по журналу дежурств, я сдал ключ вместе с другими атрибутами власти своему сменщику. Однако дело на этом не кончилось, и он стал мне задавать наводящие вопросы:

– Вы давно состоите в партии, товарищ Кривицкий?

– Вы не имеете права задавать мне подобные вопросы, – сказал я. – Вы знаете, какое положение я занимаю. Пока я не доложу своему начальнику товарищу Берзину, я не имею права подвергать себя дальнейшему допросу. С вашего позволения, я позвоню ему по телефону.

Я набрал номер своего начальника Берзина, объяснил ситуацию и спросил, должен ли я отвечать на вопросы общего характера.

– Ни слова, пока не получите моих указаний. Я позвоню вам через пятнадцать – двадцать минут.

Следователь нетерпеливо ждал, вышагивая по кабинету. Через двадцать минут раздался звонок от Берзина.

– Отвечайте на вопросы, только относящиеся к делу, – сказал он мне.

Я передал трубку следователю, и Берзин повторил свое указание.

– Ну ладно, – сказал следователь недовольным тоном. – Можете идти.

Я вернулся к себе. Менее чем через полчаса ко мне зашел интеллигентный молодой человек в очках, работавший в нашем дальневосточном отделе. Он не был членом партии и был взят в наш отдел только за знание персидского языка.

– Знаете что, Кривицкий, – сказал он мне с явным испугом. – Меня вызывают в ОГПУ.

– Зачем? – спросил я его. – Вы же не несете дежурств.

– Конечно, нет, – ответил он. – Мне никогда бы не доверили. Я же не член партии.

Интеллигентный молодой человек отправился в ОГПУ, да так и не вернулся обратно.

Через несколько дней пропавшая печать была «найдена». Я уверен, что ее выкрали сотрудники ОГПУ, чтобы состряпать дело вокруг нашего Разведуправления и убедить Политбюро в необходимости распространить на него свою власть. Разведуправление ревниво оберегало свою независимость и последним попало во власть секретной службы, но это случилось десятью годами позже.

Фабрикация таких дел была любимым занятием ОГПУ. Убедив вначале аппарат большевистской диктатуры, а затем и лично Сталина в том, что их власть держится исключительно на неусыпной бдительности ОГПУ, оно так расширило свое всевластие, что в конце концов превратилось в государство в государстве.

Начав «следствие» по делу, не имеющее ничего общего с раскрытием преступлений, оно вынуждено ради протокола найти жертву любой ценой, и в этом состоит основная жестокость этого учреждения. Этим же объясняется исчезновение нашего знатока персидского языка.

* * *

История создания ОГПУ восходит к декабрю 1917 года, когда месяц спустя после Октябрьской революции Ленин направил Дзержинскому проект декрета о создании органа для «борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем». Эта памятная записка ознаменовала собой рождение Чрезвычайной комиссии, уполномоченной вести борьбу против врагов Советской власти. ЧК превратилась в инструмент террора и массовых репрессий, которые начались после покушения на жизнь Ленина летом 1918 года и убийства Урицкого.

Первый председатель ЧК Феликс Дзержинский был беспощадным борцом за дело революции с репутацией неподкупного революционера. Во время Гражданской войны он посылал на смерть бесчисленное число людей, будучи твердо уверен, что другого пути защитить Советскую власть от «классовых врагов» нет. О каких бы ужасах, связанных с именем ЧК в первые годы Октябрьской власти, ни говорилось, ни Дзержинским, ни его ближайшими сотрудниками не руководили какие-либо иные мотивы, кроме фанатического рвения быть карающим мечом Революции.

Люди, лояльно настроенные по отношению к Советской власти, не испытывали тогда еще страха перед ЧК.

По мере того как Советская власть становилась все более тоталитарной, большевистская партия все очевиднее становилась жертвой того, что она создала в 1917 году, а советская тайная полиция все больше прибирала все вокруг к рукам, террор превращался в самоцель, и бесстрашных революционеров сменяли матерые, распущенные и аморальные палачи.

В 1923 году ЧК стала называться ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление). Перемена названия была вызвана желанием избавиться от неприятных ассоциаций. Однако новое название скоро стало внушать куда больший страх.

ОГПУ осталось в том же здании, которое занимала ЧК, на Лубянке, где до революции располагалось страховое общество. Первоначально это здание, выходящее на Лубянскую площадь, было пятиэтажным, но начиная с 1930 года оно стало расширяться, были добавлены еще три этажа из желтого кирпича и пристроено роскошное 11-этажное здание с цоколем из черного мрамора.

Главный вход в ОГПУ все еще осуществляется через старое здание, над дверями которого укреплен барельеф с изображением Карла Маркса. Есть еще и другие входы с прилегающих переулков, так что практически все здания одного квартала принадлежат ОГПУ.

Обычные граждане получают пропуска для входа в здание ОГПУ в Бюро пропусков, находящемся на улице Кузнецкий мост, напротив Наркомата по иностранным делам. В Бюро пропусков всегда толпятся родственники, жены и друзья заключенных в надежде получить разрешение на свидание или передачу. Одного взгляда на эти очереди достаточно, чтобы составить себе впечатление о том, какую политику вела Советская власть в тот или иной период. В первые годы Советской власти в этих очередях стояли жены офицеров или купцов. Затем в них стали преобладать родные арестованных инженеров, профессоров. В 1937 году я видел, как в длинных очередях стоят родные и близкие моих друзей, товарищей и коллег.

В длинных, мрачных коридорах Лубянки – охрана через каждые двадцать шагов. Пропуска проверяются по крайней мере трижды, пока посетитель получит доступ в один из кабинетов ОГПУ.

На том месте, где в старом здании был когда-то внутренний двор, выстроена специальная тюрьма для опасных политических преступников. Многие из них содержатся в одиночных камерах, а сама тюрьма носит название «Изолятор». На окнах камеры установлены не только железные решетки, но и железные жалюзи, так, что в нее может проникнуть только тонкий луч света. Узнику камеры не видно ни двора, ни неба.

Когда следователь ОГПУ захочет провести допрос заключенного в своем кабинете, он звонит начальнику тюрьмы, и его ведут в главное здание под стражей через двор, вверх по узкой полутемной лестнице. Есть здесь и лифт, поднимающий заключенных на верхние этажи.

Осенью 1935 года я увидел на Лубянке одного из самых знаменитых ее узников, ближайшего соратника Ленина, первого Председателя Коминтерна, который стоял одно время во главе Ленинградского комитета партии и Совета. Когда-то это был дородный мужчина. Теперь по коридору шаркающей походкой, в пижаме шел изможденный человек с потухшим взглядом. Так последний раз я видел человека, бывшего когда-то Григорием Зиновьевым. Его вели на допрос. Несколько месяцев спустя он был расстрелян.

В кабинете каждого следователя самый важный предмет мебели – это диван, поскольку он вынужден порой вести допросы с перерывами круглые сутки. Сам следователь, по сути, такой же узник, как и его подследственный. Ему даны неограниченные права, начиная от пыток и кончая расстрелом на месте. Это одна из особенностей советского судебного процесса: несмотря на многочисленные казни, штатных палачей не существует. Иногда в камеры Лубянки для исполнения смертного приговора, вынесенного коллегией ОГПУ, спускаются сотрудники и охрана. Иногда это делают сами следователи. Представьте себе для аналогии, как окружной судья Нью-Йорка, получив санкцию на исполнение высшей меры наказания, со всех ног несется в Синг-Синг, чтобы включить рубильник электрического стула.

* * *

Самое большое число казней на Лубянке пришлось на 1937 и 1938 годы, когда великая чистка захлестнула всю страну. Еще раньше, в 1934 году, Сталин натравливал ОГПУ на рядовых большевиков. Периодические «очищения» рядов партии, являющиеся функцией Комитета партийного контроля, были переданы в руки тайной полиции. Тогда-то впервые все члены большевистской партии стали объектами индивидуальной полицейской слежки.

В марте 1937 года, однако, Сталин решил, что все эти очищения и чистки недостаточны. В 1933 – 1936 годах он сохранил за собой власть в значительной степени благодаря Ягоде и его секретным сотрудникам, чья беззаветная преданность помогла ему уничтожить старые руководящие кадры большевистской партии и Красной Армии. Но так как сталинские методы

чистки были Ягоде слишком известны, а сам он стал слишком близок к рычагам власти, то Сталин решил сменить палачей, не меняя своей политики. Тот, на кого пал жребий стать преемником Ягоды, был Николай Ежов, которого Сталин за несколько лет до этого «подсадил» в ЦК партии в качестве его секретаря и главы отдела кадров, от которого зависело очень многое. На своем посту Ежов, по сути, занимался деятельностью, параллельной ОГПУ, подчиняясь непосредственно Сталину. Когда он занял кресло Ягоды, он взял с собой сотни две своих надежных «ребят» из числа личного сталинского ОГПУ. В 1937 году лозунгом Сталина было: «Усилить чистку!».

Ежов претворил этот лозунг в кровавую действительность. Первым делом он обвинил сотрудников ОГПУ в недостаточной требовательности по вине разложившегося руководства и сообщил им, что ОГПУ должно усилить чистку, начиная с себя.

18 марта 1937 года Ежов сделал доклад на собрании руководящих работников в клубе ОГПУ. Все заместители Ягоды и все начальники отделов ОГПУ, за исключением одного, уже находились под арестом. Удар теперь должен опуститься на головы высшего начальства. Просторное помещение клуба было до отказа заполнено ветеранами ЧК, из которых многие прослужили в органах почти двадцать лет. Ежов делал доклад в своем новом качестве народного комиссара внутренних дел. Смена названия была новой попыткой избавиться от назойливых ассоциаций. Новоиспеченный комиссар серьезно взялся за дело. Это был его звездный час. Он должен был доказать, что незаменим для Сталина. Ежов решил разоблачить деятельность Ягоды перед его оставшимися в живых сотрудниками.

Ежов начал с того, что в его задачу не входит доказывать ошибки Ягоды. Если бы Ягода был твердым и честным большевиком, он не потерял бы доверия Сталина. Ошибки Ягоды имеют глубокие корни. Докладчик сделал паузу, и все присутствующие затаили дыхание, чувствуя, что наступает решительный момент. Тут Ежов сделал эффектное признание, что с 1907 года Ягода находился на службе царской охраны. Присутствующие проглотили это сообщение не моргнув глазом. А ведь в 1907 году Ягоде было десять лет от роду! Но это не все, перешел на крик Ежов. Немцы сразу пронюхали об истинном характере деятельности Ягоды и подсунули его Дзержинскому для работы в ЧК в первые же дни после революции.

– На протяжении всей жизни Советского государства, – кричал Ежов, – Ягода работал на германскую разведку!

Ежов поведал своим обьятым ужасом слушателям, что шпионы Ягоды проникли всюду, заняв все ключевые посты. Да! Даже руководители отделов ОГПУ Молчанов, Горб, Гай, Паукер, Волович – все шпионы!

– Ежов может доказать, – кричал он, – что Ягода и его ставленники – не что иное, как воры, и в этом нет ни малейших сомнений.

– Разве не Ягода назначил Лурье начальником строительного управления ОГПУ? А кто, как не Лурье, был связующим звеном между Ягодой и иностранной разведслужбой? – Это и было его главным доказательством.

– Многие годы, – заявил Ежов, – эти два преступника, Ягода и Лурье, обманывали партию и свою страну. Они строили каналы, прокладывали дороги и возводили здания, стоящие огромных средств, но в отчетах указывали, что затраты на них обходились крайне дешево.

– Но как, спрашиваю я вас, товарищи, как этим мерзавцам удавалось это? Как, спрашивается?

Ежов пристально вглядывался в глаза окаменевших слушателей.

– Очень просто. Бюджет НКВД не контролируется никем. Из этого бюджета, бюджета собственного учреждения, Ягода черпал суммы, нужные ему для сооружения дорогостоящих зданий по крайне «дешевой» цене.

– Зачем Ягоде и Лурье нужно было это строительство? Зачем им нужно было строить дороги? Это они делали в погоне за популярностью, чтобы завоевать себе известность, зара-

ботать себе награды! Но может ли предатель быть удовлетворен всем этим? Почему Ягода так стремился завоевать популярность? Она ему была нужна потому, что на самом деле он преследовал политику Фуше.

Длинная очередь противоречивых обвинений, пущенная Ежовым в публику, ошарашила присутствующих. Ягода служил в охранке десять лет. Потом оказывается, что этот обыкновенный шпион, провокатор и вор захотел еще и соревноваться с пресловутым наполеоновским министром полиции.

– Это очень серьезный вопрос, товарищи, – продолжал Ежов. – Партия была вынуждена все эти годы противостоять росту фашизма среди нас. Это было нелегко. Да, товарищи, я вам должен сказать, и вы крепко это запомните, что даже Феликс Эдмундович Дзержинский ослабил здесь оборону революции.

Ежов перешел к резюме, которое сводилось к следующему: нам нужна чистка, чистка и еще раз чистка. У меня, Ежова, нет сомнений, нет колебаний, нет и слабостей. Если можно было бы задать вопрос покойному Феликсу Дзержинскому, почему мы должны считаться с репутацией даже старейших и наиболее закаленных чекистов?

Старейшие сотрудники органов ОГПУ, ветераны Октябрьской революции, чувствуя, что наступает их очередь пасть жертвой, были бледны и безучастны. Они аплодировали Ежову, как будто все это их не касалось. Они аплодировали, чтобы продемонстрировать свою преданность. Кто знает? Своевременное признание своей вины, возможно, еще спасет их от пули в затылок. Возможно, они еще раз смогут заработать себе право на жизнь предательством своих друзей...

* * *

Пока собрание продолжалось, на трибуну взойшел Артузов, обрусевший швейцарец, большевик с 1914 года. Артузов знал, что поставлено на карту. Старый чекист заговорил с актерским пылом:

– Товарищи, в труднейшие дни для революции Ленин поставил Феликса Эдмундовича Дзержинского во главе ЧК. В еще более сложное время Сталин поставил своего лучшего ученика Николая Ивановича Ежова во главе НКВД. Товарищи! Мы, большевики, научились быть безжалостными не только к врагам, но и к самим себе. Да, Ягода действительно хотел играть роль Фуше. Он действительно хотел противопоставить ОГПУ нашей партии. Из-за нашей слепоты мы невольно участвовали в этом заговоре.

Голос Артузова креп, становился более уверенным:

– В 1930 году, товарищи, когда партия впервые почувствовала эту тенденцию и, желая положить ей конец, назначила в ОГПУ старого большевика Акулова, что сделали мы, чтобы помочь Акулову? Мы встретили его в штыки! Ягода всячески старался помешать его работе. А мы, товарищи, не только поддерживали саботаж Ягоды, но пошли еще дальше. Я должен честно признаться, вся партийная организация ОГПУ была занята саботажем Акулова.

Артузов беспокойно искал взглядом хотя бы малейшего намека на одобрение на скуластом личике Ежова. Он чувствовал: наступил нужный момент для решающего удара, чтобы отвести подозрение от себя.

– Спрашивается, кто был в это время руководителем партийной организации ОГПУ? – Он набрал воздух в легкие и выдохнул: – Слуцкий!

Бросив своего товарища на растерзание, Артузов с триумфом сошел с трибуны.

Слуцкий, бывший в то время начальником Иностранного отдела ОГПУ, встал, чтобы защитить себя от обвинений. Это был тоже старый, опытный большевик. Он тоже знал, что поставлено на карту. Свою речь Слуцкий начал неуверенно, чувствуя, что обстоятельства складываются не в его пользу.

– Артузов попытался представить меня как ближайшего сотрудника Ягоды. Отвечу, товарищи: конечно, я был секретарем партийной организации ОГПУ. Но кто же был членом коллегии ОГПУ – Артузов или я? Спрашивается, можно ли тогда было быть членом коллегии, этого высшего органа ОГПУ, не имея полного доверия Ягоды? Артузов уверяет, что своей «верной службой» Ягоде на посту секретаря парторганизации я заработал себе заграничную командировку, что это я получил в награду за саботаж Акулова. Я использовал эту командировку, как уверяет Артузов, в целях установления контакта между шпионской организацией Ягоды и его хозяевами за рубежом. Но я утверждаю, что моя командировка состоялась по настоянию самого Артузова. В течение многих лет Артузов находился в дружеских отношениях с Ягодой.

А затем Слуцкий нанес свой главный удар:

– Скажите, Артузов, где вы живете? Кто жил напротив вас? Буланов? А разве не он был одним из первых арестованных? А кто жил этажом выше, Артузов? Островский. Он тоже арестован. А под вами кто жил, Артузов? Ягода! А теперь я спрашиваю вас, товарищи, можно ли было в известных обстоятельствах жить в одном доме с Ягодой и не пользоваться его полнейшим доверием?..

Сталин и Ежов подумали и решили поверить как Слуцкому, так и Артузову, и в свое время уничтожили обоих.

Таков был характер усиленной, или великой, чистки, которая началась в марте 1937 года. Аппарат Советской власти стал похож на сумасшедший дом. Дискуссии, подобно описанной выше, проходили в каждом подразделении ОГПУ, в каждой ячейке большевистской партии, на каждом заводе, в войсковой части, в колхозе. Каждый становился предателем, если он не смог обвинить в предательстве кого-то другого. Люди осторожные пытались уйти в тень, стать рядовыми служащими, избежать соприкосновения с властями, сделать так, чтобы их забыли.

Долгие годы преданности партии не значили ничего. Не помогали даже заклинания в верности Сталину. Сам Сталин выдвинул лозунг: «Все поколение должно быть принесено в жертву».

Нас приучили к мысли о том, что старое должно уйти. Но теперь чистка принялась за новое. Той весной мы как-то разговорились со Слуцким о масштабах арестов, проведенных с марта того же года, – их было 35 тысяч, а возможно и 400 тысяч. Слуцкий говорил с горечью:

– Знаешь, мы и вправду старые. Придут за мной, придут за тобой, придут за другими. Мы принадлежим к поколению, которому суждено погибнуть. Сталин ведь сказал, что все дореволюционное и военное поколение должно быть уничтожено, как камень, висящий на шее революции. Но сейчас они расстреливают молодых – семнадцати- и восемнадцатилетних ребят и девчат, родившихся при Советской власти, которые не знали ничего другого... И многие из них идут на смерть с криками: «Да здравствует Троцкий!».

* * *

Можно было привести массу примеров в доказательство. Лучшим примером этому служит дело самого Ягоды. Среди многих дичайших обвинений, выдвинутых шефу ОГПУ на его процессе в марте 1938 года, самым бессмысленным по своей сути было обвинение в заговоре с целью отравления Сталина, Ежова и членов Политбюро. Многие годы Ягода отвечал за питание кремлевских руководителей, в том числе Сталина и других высокопоставленных лиц правительства. Специальный отдел ОГПУ в непосредственном ведении Ягоды контролировал шаг за шагом снабжение Кремля продуктами питания, начиная со специальных подмосковных хозяйств, где продукция выращивается под неусыпным наблюдением сотрудников Ягоды, и кончая столами кремлевских вождей, которых обслуживают агенты ОГПУ.

Все сельскохозяйственные работы вплоть до сбора урожая, перевозки, изготовления и подачи блюд осуществлялись специальными сотрудниками ОГПУ в непосредственном подчи-

нении у Ягоды. Каждый из сотрудников его специальной секции отвечал перед Ягодой своей головой, а сам Ягода в течение многих лет нес на своих плечах тяжкий груз этой ответственности. Сталин, не раз обязанный спасением своей жизни его неусыпной бдительности, не ел никакой другой пищи, кроме той, которую подавали ему сотрудники Ягоды.

На процессе было «доказано», что Ягода возглавлял гигантский отравительский заговор, в который он втянул даже старых кремлевских врачей. Но это было еще не все. Было «доказано», что Ягода, так сказать шеф-повар Кремля, не удовлетворенный методами отравления, задумал медленное убийство Ежова, опрыскивая его кабинет ядовитыми веществами. Все эти вопиющие «факты» стали достоянием открытого процесса, и в справедливости многих из них «признался» сам Ягода. Они были опубликованы в прессе. Но на протяжении всего процесса никто в России не осмеливался напомнить о том, что Ягода был хозяином кремлевской кухни.

Разумеется, ему были предъявлены и другие обвинения. Оказывается, вдобавок к незаконному присвоению денег, отпущенных ОГПУ на строительство, он вырывал хлеб изо рта кремлевских вождей, продавая кремлевскую провизию на сторону и присваивая вырученные деньги. Эти деньги он тратил, по данным суда, на устройство оргий.

Как и другие подобные «факты», раскрытые на московских показательных процессах, эта история кражи Ягодой хлеба и мяса со сталинского стола имеет в своем основании крохотную долю правды. В период острой нехватки продуктов Ягода действительно завел практику заказывать несколько больше продуктов, чем это требовалось для Кремля. Излишки распределялись им среди голодавших сотрудников ОГПУ. Несколько лет подряд высшие чиновники ОГПУ неофициально получали продуктовые свертки сверх полагавшейся им нормы. Сотрудники военной разведки недовольно ворчали по этому поводу, и некоторое время милости Ягоды распространялись и на нас, так что и я приобщался к этим крохам с кремлевского стола. Когда были проверены счета, выяснилось, что за Молотовым, например, числилось в десять раз больше сахара, чем он мог при всем желании потратить.

Кроме обвинения в тщательно продуманном заговоре с целью отравления людей, которых он мог бы и без того отправить на тот свет одним мановением руки, а также в продаже кремлевских продуктов, сталинский трибунал учел и тот факт, что эти украденные продукты частично раздавались им якобы в целях завоевания популярности по примеру Фуше...

Я пересказываю эти фантастические, или, вернее, кошмарные, факты не для того, чтобы развлечь читателя. Я подкрепляю фактами мое утверждение о том, что в ОГПУ в ходе чисток было утрачено само понятие вины. Причины ареста человека не имели ничего общего с предъявленным ему обвинением. Никто не искал их. Никто не спрашивал о них. В правде перестали нуждаться. Когда я говорю, что советский аппарат власти превратился в сумасшедший дом, я вкладываю в это буквальный смысл. Американцы смеются, когда я рассказываю им об этих диких случаях – и я их понимаю, – но для нас это не повод для смеха. Нет ничего смешного в том, что ваши лучшие друзья и товарищи исчезают в ночи и гибнут.

Не забывайте, что и я когда-то жил в этом сумасшедшем доме.

* * *

Цена «признаний», добываемых ОГПУ, может быть хорошо проиллюстрирована делом одного австрийского социалиста, поставленного вне закона в своей стране канцлером Дольфусом и нашедшего убежище в Стране Советов. Его арестовали в Ленинграде в 1935 году. Начальник ленинградского ОГПУ Заковский якобы получил от него признание в том, что он служил в венской полиции. На этом основании он сидел в тюрьме как австрийский шпион. Каким-то образом заключенный сумел послать письмо Калинину, который числился Президентом Советского Союза. Дело передали Слуцкому. Однажды он позвонил мне по этому поводу.

– Вальтер, здесь какое-то шуцбундовское дело, я ничего в нем не понимаю. Помогите мне. Это по вашей части, – сказал он.

– Пришлите мне досье, я постараюсь разобраться.

Бумаги мне вскоре принес посланец Слуцкого. Вначале шел доклад Заковского его московскому начальству. Он сообщал, что от заключенного получено признание. Дело самое обычное. При даче показаний подследственный не сопротивлялся, но меня одолевали сомнения. Перелистывая бумаги, я натолкнулся на анкету того типа, какую заполняет каждый иностранец, въезжающий в Советский Союз. Там была подробно изложена биография арестованного. Сообщалось, что он вступил в Австрийскую соцпартию накануне мировой войны, служил на фронте, а после войны по указанию своей партии, располагавшей большинством в Вене, поступил на службу в муниципальную полицию. На 90 процентов она состояла из социалистов и входила в Амстердамский Интернационал. Все это значилось в анкете. В ней сообщалось также, что, когда социалисты потеряли власть в Вене, он одновременно с другими офицерами-социалистами был уволен из полиции, а затем командовал батальоном «шуцбунда» – социалистических оборонных отрядов – во время февральских боев 1934 года против фашистского «хаймвера». Я позвонил Слуцкому и объяснил все это.

– Этот австрийский социалист служил в полиции по указанию своей партии точно так же, как вы поступаете у нас. Я пошлю вам об этом докладную.

Слуцкий поспешил ответить:

– Нет, нет, никаких докладных. Зайдите ко мне в кабинет.

Придя к нему, я объяснил еще раз, что социалист не может считаться шпионом нынешней Австрии, если он был полицейским при власти социалистов.

Слуцкий был согласен.

– Я понял, Заковский заставил его признаться, что он работал полицейским при социалистах! Вот это признание! Но не вздумайте писать докладные! В наши дни никто их не пишет.

Несмотря на шутиливый тон своих реплик, Слуцкий ходатайствовал перед Калининым в защиту австрийца.

Заковский действовал в полном соответствии с задачами ОГПУ. «Признания», подобные тем, что он якобы получил, были хлебом насущным, которым жило ОГПУ. Мой австрийский социалист был виноват не более других сотен тысяч людей, которых постигла злая судьба.

Показателен разговор, который был у меня в то время с Кедровым, одним из самых опытных следователей ОГПУ. Я встретил его в нашей столовой, и мы разговорились о генерале Примакове, делом которого он занимался. В 1934 году этот генерал, член высшего командования армии, был арестован и отдан в руки Кедрову. Последний приступил к обработке своей жертвы с помощью всех тех методов, какие тогда были в ходу. Сам он говорил о них с признаками смущения.

– Но знаете, что случилось, – неожиданно заявил он. – Только он начал раскалываться, и мы знали, что пройдет немного дней или недель – и мы получим его полное признание, как он был вдруг освобожден по требованию Ворошилова!

Из этого эпизода ясно видно, что обвинения против арестованного – даже готового «признаваться во всем» – не имеют никакого отношения к причинам, по которым он содержится в заключении. За рубежами Советского Союза люди спорят о том, верны или не верны обвинения, предъявляемые органами ОГПУ. В этом учреждении вопрос об этом даже не возникает, следствие им несколько не интересуется.

Генерал Примаков, вырванный из лап ОГПУ накануне «полного признания», служил еще три года своей стране, но 12 июня 1937 года был расстрелян вместе с маршалом Тухачевским и семью другими видными военачальниками по новым, совершенно иным обвинениям.

* * *

Только один раз в жизни, в августе 1935 года, мне пришлось допрашивать политического заключенного. Это был Владимир Дедушок, осужденный в 1932 году к десятилетнему сроку заключения в Соловецких лагерях. Арестован он был по скандальному делу нашего главного военного разведчика в Вене, якобы связанного с германской военной разведкой. Дедушок, которого я знал лично, был ни в чем не виноват, но местный наш шеф был в тот момент слишком важной персоной, чтобы его засадить немедленно. Дедушок стал просто козлом отпущения. Это был украинец, пришедший к большевикам в годы Гражданской войны. Прослужил он в военной разведке более десяти лет. За время моей работы в этом учреждении я не раз сталкивался с последствиями упомянутого венского дела, отнюдь не ясного. Решив, что Дедушок, быть может, поможет мне прояснить его, я спросил Слуцкого, нельзя ли допросить этого осужденного. Оказалось, что дело это в руках отдела ОГПУ, возглавляет который Михаил Горб. Я связался с ним.

– Вам повезло, – сказал Горб, – этот Дедушок сейчас на пути из Соловков. Его везут в Москву для допросов в связи с заговором командиров кремлевского гарнизона.

Через несколько дней Горб сообщил, что Дедушок – на Лубянке, следовательно его Кедров.

Я сговорился с Кедровым о вызове к нему заключенного к 11 часам того же вечера. По моему положению я не имел права допрашивать арестованных. Это было функцией ОГПУ, но в исключительных случаях допускалось свидание с подследственным в присутствии представителя НКВД. Я заранее пришел в кабинет к Кедрову, в комнату № 994 на Лубянке, и объяснил то, что связано с моим делом. Мне нужно было узнать подробнее обстоятельства следствия и вынесения приговора Дедушке.

– Прочтите это, и вы все узнаете, – сказал Кедров, указав на толстое досье.

В нем было несколько сотен страниц – протоколов допросов, письменных показаний, рекомендательных писем, полученных в свое время Дедушkom, и т. д. Наконец я добрался до его перекрестного допроса, вел который не Кедров. После ряда вопросов и ответов более или менее формального свойства протокол прерывался и следовало пространное изложение, собственноручно написанное подследственным. Следователь ОГПУ или спешил, или устал, как это часто бывало, и поручил Дедушке самому написать все, что он знает, в присутствии часового. Прочитав его повествование, я понял, что он совершенно невиновен, хотя и подписал свое формальное признание.

Кедрову я сказал:

– Что за странное дело вся эта писанина. 600 страниц текста, из которых ничего не следует, а в конце: Дедушок признает свою вину и следовательно предлагает коллегии ОГПУ отправить его на Соловки на десять лет. Коллегия, за подписью Агранова, соглашается.

– Я тоже это пробежал, – сказал Кедров, – но не разобрался, в чем дело.

Была уже полночь, когда Кедров позвонил коменданту изолятора и попросил привести Дедушку. Через десять минут он был здесь в сопровождении часового. Высокий, с резкими чертами, прилично одетый, в белой рубашке и чисто выбритый, он показался мне совсем не изменившимся. Только за те три года, что я его не видел, волосы у него совершенно побелели. Он смотрел в упор на Кедрова, потом заметил меня, сидящего на диване.

– Что вы хотите от меня? Зачем привезли из Соловков? – спросил он.

Кедров молчал, Дедушок обратился ко мне:

– Меня затребовал Четвертый отдел?

– Нет, не Четвертый отдел, – ответил Кедров. – Мы привезли вас сюда по другим причинам. У Кривицкого к вам есть вопросы.

Атмосфера стала напряженной. Дедушок переводил взгляд с Кедрова на меня. Он замер, собираясь давать отпор нам обоим. Оба мы затянули паузу. Наконец я нарушил молчание:

– Дедушок, я не знаю вашего дела и не имею полномочий касаться его. Но я занимаюсь делом «Х» – помните, из нашей разведывательной службы. Думаю, что вы могли бы прояснить мне ряд моментов. Если вы вспомните некоторые детали этого дела, вы сможете быть мне полезным. Если нет, я попытаюсь выяснить их другим путем.

– Да, этого дела я не забыл. Попытаюсь ответить на ваши вопросы.

Но я задал ему другой вопрос:

– Как идут ваши дела вообще?

Он ответил в стоическом духе:

– Поначалу было очень плохо. Сейчас лучше. Я заведу теперь мукомольней в нашем островном лагере. Регулярно получаю «Правду», иногда книги. Вот так и живу.

Теперь была его очередь поинтересоваться, как идут мои дела.

– Неплохо, – ответил я. – Работаем вовсю, жизнь идет по-советски.

Так больше часа ушло на беседу о том о сем. Когда же я заговорил о том, что было поводом для этой встречи, Кедров перебил:

– Знаете, я чертовски устал. Вижу, у вас здесь надолго. Устроим так, чтобы я мог поспать!

Строгие правила требуют, чтобы Кедров присутствовал в продолжение всей беседы. Он один имеет право вызвать заключенного и отправить его назад в камеру. Кедров посоветовал позвонить Горбу и условиться с ним.

Горб не был формалистом.

– Ладно, – согласился он, – сделаем исключение. Я скажу начальнику тюрьмы, что вы подпишете ордер на возвращение заключенного в камеру.

Когда Кедров ушел, Дедушок несколько расслабился. Указывая на свое дело, он спросил безличным тоном, как если бы бумаги касались не его:

– Читали ли вы эту писанину?

Я ответил, что читал.

– Ну и что вы об этом думаете?

Я мог дать только один ответ:

– Вы же признались, не так ли?

– Да, я признался.

Дедушок попросил достать ему чаю и бутерброд, и я тотчас распорядился. Скоро мы забыли, беседуя, о цели его вызова. Он сказал, что ждал в лагере свидания с женой – награду за его хорошее поведение, но теперь, после вызова в Москву, он вряд ли ее увидит. Он не задержался на этой теме, но обратился с интересом к шкафам, где стояли книги на русском и иностранных языках, взял в руки несколько томов и жадно их разглядывал. Я обещал попросить Кедрова дать ему кое-что почитать. В четыре часа утра мы еще не дошли до цели нашей встречи. Дедушок хорошо понимал и свое и мое положение. Он догадывался, что я могу легко оказаться в его положении, и не захотел представлять себя мучеником. Несколько часов с человеком из внешнего мира – слишком благоприятный случай, чтобы тратить их на жалобы на судьбу.

Я ему обещал, что заявлю властям ОГПУ о том, что мы должны еще раз встретиться через сутки, поскольку допрос не закончен. На рассвете я позвонил начальнику тюрьмы, попросив часового для сопровождения заключенного в камеру. Как водится, начались недоразумения, дежурный комендант сменился. Поднялся шум, и пришлось будить Горба.

На следующий вечер я явился вновь, и Кедров опять оставил нас вдвоем. Я вооружил Дедушку пером и бумагой и попросил написать обо всем, что ему известно по занимающему меня вопросу. Он справился с этой задачей минут за 20. Мы вновь раздобыли чай с бутербродом и проговорили опять до утра.

– Почему же вы признались? – задал я ему как бы мимоходом, с наигранным равнодушием вопрос под конец беседы, перелистывая какую-то книгу.

Дедушок сразу ничего не ответил, меряя комнату шагами, как бы занятый другими мыслями. Потом заговорил отрывочными фразами, которые мало что говорили постороннему, но были понятны всякому, кто проводит всю жизнь в советском аппарате. Дедушок не мог говорить открыто на эту тему, как не мог говорить и я. Тот факт, что я задал свой вопрос, уже ставил меня в рискованное положение, которое он легко бы мог использовать против меня. При всей осторожности, с какой он высказывался, я смог понять, что с ним произошло. Его не подвергали пытке третьей степени. Ему лишь раз заявил его следователь, что он сможет отделаться десятилетним сроком, если признается в своей вине. Зная хорошо обычаи ОГПУ, он предпочел согласиться на это предложение. Он не был, конечно, замешан в заговоре, в связи с которым его привезли в Москву.

Но он уже не вернулся на свою мукомольню. Он был расстрелян...

* * *

Одним из достижений, которым особенно хвасталось ОГПУ, было «перевоспитание» крестьян, инженеров, учителей, рабочих, не питавших энтузиазма к советским порядкам, которых тысячами и миллионами хватали по всей стране и отправляли в трудовые лагеря, где приобщали к благодати коллективизма. Эти противники диктатуры Сталина, крестьяне, привязанные к своим полям, профессора, жадно впитывавшие немарксистские научные концепции, инженеры, несогласные с установками пятилетнего плана, рабочие, сетовавшие на низкую зарплату, – все эти отчаявшиеся люди миллионами переселялись по чужой воле в специально устроенный для них новый, коллективистский мир, где трудились принудительно под надзором ОГПУ и выходили оттуда покорными советскими гражданами.

Совет Труда и Оборона постановил 18 апреля 1931 года, что за 20 месяцев будет построен канал между Белым и Балтийским морями протяженностью 140 миль. Вся ответственность за строительство была возложена на ОГПУ.

Заставив пятьсот тысяч заключенных валить леса, взрывать скалы, перекрывать водные потоки, ОГПУ проложило великий водный путь точно по установленному расписанию. С палубы парохода «Анохин» сам Сталин в сопровождении Ягоды наблюдал за торжественной церемонией открытия.

Когда канал был построен, 12 484 «преступника» из полумиллиона работавших получили амнистию, у 59 526 человек были сокращены сроки наказания. Но ОГПУ вскоре пришло к выводу, что большинство «освобожденных», как и другие строители, настолько полюбили коллективный труд на канале, что их отправили на строительство другого великого проекта – канала Волга – Москва.

В апреле 1937 года я любовался на Красной площади выставленной там огромной фотографией главного строителя каналов в системе ОГПУ Фирина. Хорошо, подумал я про себя, что хотя бы один из больших людей не арестован! Через два дня мне встретился коллега, только что отозванный из-за границы. Первое, что он мне сказал, едва придя в себя от удивления, что я на свободе:

– А вы знаете, Фирина конец.

Я ответил, что это невозможно, ведь его фотография выставлена на главной площади Москвы.

– Говорю вам, что с Фириным покончено. Я был сегодня на работах канала Волга – Москва, но никакого Фирина там не было! – проговорил он.

А вечером мне позвонил друг, работающий в «Известиях». Его редакции было предписано изъять все фотографии и упоминания Фирина – великого каналостроителя ОГПУ...

Но ОГПУ не ограничивало свои операции только Советской Россией. Вопреки всем усилиям ловких пропагандистов, внешний мир скептически относился к «признаниям» старых большевиков на московских процессах. Сталин и ОГПУ хотели доказать, что качество московских спектаклей было на самом высоком уровне, и старались устроить подобные же постановки в Испании, Чехословакии, Соединенных Штатах.

В октябре 1938 года ОГПУ подготовило суд над лидерами испанской марксистской партии ПОУМ в Барселоне по обвинению в измене, шпионаже и попытках убийства деятелей законного правительства. Москва собиралась доказать процессом над ПОУМ, что радикалы в Испании, враждебные сталинизму, – не кто иные, как «троцкисты» и «фашистские заговорщики». Но Барселона – не Москва. ОГПУ старалось как могло, но, вопреки давлению, подсудимые отказались признать, будто бы они шпионы на службе у Франко.

Впервые до меня сведения о замыслах такого рода процессов за рубежом дошли в мае 1937 года. Дело было в кабинете Слуцкого. У него закончился телефонный разговор с неизвестным мне лицом, и Слуцкий, положив трубку, заметил:

– Сталин и Ежов думают, что я могу производить аресты в Праге, как в Москве.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– Требуется суд над троцкистскими шпионами в Европе. Это имело бы огромный эффект, если бы удалось его устроить. Пражская полиция должна арестовать Грилевича. Вообще говоря, они готовы сотрудничать, но с чехами нельзя обходиться попросту, как мы обходимся со своими. Здесь, в Москве, достаточно открыть пошире ворота Лубянки и гнать туда столько, сколько надо. Но в Праге остались еще легионеры, которые сражались с нами в 1918-м, и они саботируют наши действия.

* * *

Антон Грилевич, в прошлом немецкий коммунистический лидер, член прусского ландтага, позднее перешел к троцкистам и бежал в Чехословакию после прихода Гитлера к власти. Его арест в Праге, которого Слуцкий ожидал, произошел сразу вслед за расстрелом командиров Красной Армии 12 июня 1937 года. Из других источников я узнал о дальнейшем развитии замысла, родившегося в Москве.

В день его ареста чешская полиция предъявила Грилевичу чемодан, оставленный им у его друзей несколько месяцев назад и который он, по его словам, не открывал с октября 1936 года. В чемодане были брошюры, листовки, деловая корреспонденция и другие безобидные материалы, никак не подходившие под категорию предметов, хранение которых вело к нарушению законов Чехословакии, тем более не свидетельствовало о военном шпионаже. Полицией никаких обвинений такого рода и не предъявлял. Но вечером явился другой полицейский сыщик и завел с Грилевичем разговор о московских процессах, намекая таким образом на то, что составляло предмет его забот. И тут же предъявил Грилевичу три фальшивых паспорта, негативный снимок немецкого военного плана оккупации Судетской области с датой 17 февраля 1937 года и рукописную инструкцию по использованию невидимых чернил. Эти улики, как сыщик пытался уверить Грилевича, были найдены в его чемодане. По настоянию Грилевича была приглашена регулярная полиция, в присутствии которой он засвидетельствовал, что из вещей действительно находилось в чемодане, а что было подброшено. Тем не менее в ту же ночь он был посажен.

Переведенный вскоре в другую тюрьму, он стал предметом внимания авторитетных представителей следственной власти. Они намекнули, что люди из московского ОГПУ интересуются им и располагают «надежными друзьями» в чешской полиции.

В конце концов Грилевича освободили в ноябре, после того как он пункт за пунктом сумел отвергнуть все обвинения и доказать, что улики, которые пытались использовать против

него, были явно подметными. Таким образом, ОГПУ провалилось со своей попыткой доказать, что троцкисты в Чехословакии работали на Гитлера, против правительства в Праге. Если бы эта попытка удалась, она немало помогла бы убедить Запад в том, что и в московских процессах улики чего-то стоили.

У ОГПУ существовал даже план проведения «троцкистско-фашистского» процесса в Нью-Йорке. Но до тех пор пока полная история исчезновения Джульетты Стюарт Пойнтц и подробности дела Робинсона-Рубенса не будут раскрыты до конца, трудно судить, насколько далеко зашла подготовка такого процесса.

Во всяком случае, наверняка установлено, что в конце мая – начале июня 1937 года, как раз во время дела Грилевича в Праге, Джульетта Стюарт Пойнтц, в прошлом видный лидер американской компартии, покинула свой номер в Клубе женской ассоциации по адресу: 353 Уэст 57-я улица в Нью-Йорке. Ее гардероб, книги и другие вещи были найдены в том состоянии, которое указывало, что она намеревалась вернуться к себе в тот же день. Но с этого момента о ней ничего больше не удалось узнать. Она исчезла.

Дональд Робинсон, он же Рубенс, был арестован в Москве 2 декабря 1937 года. Его жена, американская гражданка, была арестована вскоре после этого якобы за въезд в Россию по фальшивому паспорту. Робинсон был в течение многих лет офицером советской военной разведки, работал в Соединенных Штатах и в других странах, но также пропал без вести с момента ареста. Его жена вскоре была освобождена из советской тюрьмы и в письме, посланном дочери в США, прозрачно намекала на то, что никогда больше не увидит своего мужа живым. Г-же Рубенс, хотя и американской гражданке, так никогда и не было разрешено выехать из Советского Союза...

Самое ясное свидетельство о серьезной работе Москвы по подготовке шпионского процесса над врагами Сталина в США я почерпнул как-то из замечания Слуцкого, брошенного в беседе со мной через несколько дней после его упоминания о Грилевиче. Разговор зашел о моем прежнем сослуживце по Третьему отделу Валентине Маркине, ставшем потом шефом агентуры ОГПУ в США. (В 1934 году жене Маркина в Москве сообщили, что он убит гангстерами в ночном клубе Нью-Йорка.) В мае 1937 года Слуцкий, обращаясь ко мне, заметил:

– А вы знаете, оказывается, что ваш друг Валентин Маркин, убитый три года назад в Америке, был троцкистом и начал троцкистами всю службу ОГПУ в США.

В нашем кругу такого рода замечания никогда не рассматривались как простая сплетня. Тем более не мог просто сплетничать начальник Иностранного отдела ОГПУ. В свете его же намеков по поводу подготовки Москвой новых процессов замечание о «троцкистах» в американской службе ОГПУ, очевидно, означало, что что-то готовилось именно в США. Слово «троцкисты» употреблялось советскими должностными лицами для обозначения любых оппонентов Сталина, без различия.

Нельзя упускать из виду, что шпионаж в США вели, между прочим, и реальные агенты из числа американцев. Наряду с военным шпионажем они составляли списки антисталинистов, особенно среди радикалов и бывших коммунистов. Поэтому можно считать, что главные элементы для организации показательных процессов типа московских были, в сущности, налицо. Москва, очевидно, полагала, что ей удастся замешать в дело, наряду с настоящими американскими агентами, ни в чем не повинных антисталинистов, поставленных так или иначе в компрометирующую их позицию.

Несмотря на имевшиеся предпосылки, разработанный ОГПУ план представить американских радикалов – противников Сталина – как агентуру гитлеровского гестапо потерпел полный провал. Ничего не удалось реализовать ни в США, ни в Советском Союзе, несмотря на весьма вероятное похищение г-жи Пойнтц и таинственный арест Робинсона-Рубенса.

* * *

В самый разгар великой чистки, когда Сталин терроризировал всю Россию, он произнес речь об узах любви, связывающих большевиков с русским народом. Он узнал где-то о греческом мифе об Антее и привел его в доказательство: непобедимость Антея – в его связи с почвой, с народными массами. В том же заключается, по словам Сталина, непобедимость большевистского руководства.

Но сталинская связь с массами держалась на существовании армии шпионов и осведомителей ОГПУ, специализированных на арестах рядовых граждан за случайные замечания против советского строя. Этот тип полицейского правления был скопирован со всей точностью в нацистской Германии. Разница в том, что к 1937 году Сталин перестал доверять даже своей армии шпионов. Он завел организацию шпионов для шпионажа за шпионами. Он никому не верил и заявлял, что сам станет своим собственным чекистом. Питая подозрения по поводу одного служащего при своей резиденции, он стал следить за ним и пришел к выводу, что этот служащий связан с сетью заговорщиков среди кремлевской охраны, замышлявших убить не только его, но и всех членов Политбюро. Один видный работник ОГПУ, рассказывая мне об этом, не находил слов, чтобы выразить, какой катастрофой для его ведомства стало неведение об этом заговоре. Тогда и родился афоризм, согласно которому «лучший чекист – это сам Сталин».

Сей никому не ведомый заговор стал предлогом для очередной волны арестов как в Кремле, так и по всей стране. Среди этих волн самые страшные были подняты стараниями Ежова. Ни один палач в истории не сделал столько для своего господина, сколько сделал для Сталина Ежов. Список ежовских жертв включает почти всех из 80 членов советского Военного совета, созданного в 1934 году, большинство членов сталинского Центрального Комитета и его Контрольной комиссии, большинство членов ЦИК, Совета Народных Комиссаров, Совета Труда и Оборона, лидеров Коммунистического Интернационала, всех начальников и заместителей начальников ОГПУ, массы послов и высших дипломатов, руководителей всех союзных и автономных республик Советского Союза, 35 000 человек из офицерского корпуса, почти весь состав редакций «Правды» и «Известий», множество писателей, артистов, музыкантов, режиссеров, большинство руководителей комсомола – цвет поколения, от которого ожидали максимальной лояльности к Сталину.

Результат совершенного Ежовым за тридцать шесть месяцев, в течение которых он возглавлял ОГПУ, был настолько ужасен, что ему пришлось заплатить за содеянное жизнью. Ужасы репрессий достигли такой степени, что Сталину, чтобы спасти самого себя, пришлось казнить своего палача. При всем своем раболепстве и своей преданности Ежов заплатил ту цену, которую обречены платить все в сталинской России, кто поднимается на вершину власти. 8 декабря 1938 года в кратком коммюнике сообщалось, что Ежов освобожден от поста комиссара внутренних дел и заменен Лаврентием Берия, закавказским соплеменником Сталина. По обыкновению сообщалось, что Ежов якобы стал теперь комиссаром по делам речного флота, но фактически он исчез бесследно и навсегда.

Из всех чисток, предпринятых Сталиным, самой страшной, такой, которая никогда не исчезнет из памяти людей, даже если можно будет забыть все остальные, была чистка детского поколения страны. В начале 1935 года ОГПУ представило Политбюро доклад о преступности среди малолетних. Расстрелы, высылки и голод 1932 – 1933 годов породили новые массы беспризорных, бездомных сирот, бродящих по городам и селам. ОГПУ заинтересовалось этой трагедией подростков и в своем докладе Сталину обрисовало отчаянное положение этой части населения. Среди подростков расцветала преступность, распространялись болезни, сексуальные извращения. Особенно шокировали Сталина приводимые в докладе подробности о том,

что тысячи подростков, ища спасения от физической гибели, втягивались в сферу влияния религиозных сект. Сталин решил действовать. Как ни странно, ОГПУ до сих пор ставило себе в заслугу заботу о социальной помощи детям и даже сумело «перевоспитать» какую-то весьма малую часть из миллионов беспризорных, наполнявших страну после Октябрьской революции и Гражданской войны. Но перед лицом новой волны беспризорных Сталин решил проводить иной курс.

В 1935 году, 8 апреля, в «Известиях» был помещен декрет Советского государства за подписью президента Калинина и премьера Молотова, озаглавленный «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Этим декретом на детей, достигших двенадцатилетнего возраста, в качестве меры наказания за преступления от мелкого воровства до измены распространялась смертная казнь. Вооружившись этим страшным законом, ОГПУ начало устраивать облавы на сотни тысяч подростков и заключать их в концентрационные лагеря и трудовые колонии, а нередко присуждать к расстрелу.

Как раз в то время, когда совершались эти ужасы, Сталин вышел из своей полумонастырской изоляции и стал позировать перед камерами в образе покровителя детей. Мы впервые увидели его в окружении детей на их игровых площадках, сопровождающим двенадцатилетнюю девочку на трибуну парада на Красной площади, повязывающим ее шарфик на шею Ворошилову... Подобный камуфляж намеренно применялся в те страшные месяцы, когда ОГПУ истребляло жизни двенадцати-, тринадцати-, четырнадцатилетних детей, официально обвиняемых как «шпионы, предатели, троцкисты, фашисты, агенты Гитлера».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.